

ISSN 2226-3586

Библиотека журнала «Пять стихий»

Николай Гончаров

**ЖИВАЯ
ПАМЯТЬ**

ПЯТЬ СТИХИЙ

Горловка – 2012

ББК – 63 (рус-укр)

Г-65

Николай Ефремович Гончаров

«Живая память» - публицистика – 64 стр.

Литературно-публицистическое приложение.

Библиотека журнала «Пять стихий» 2012.

84614 г. Горловка ул. Стожка - 138

Рег.свид. ДЦ № 3130-757Р

**Книга, открывающая некоторые аспекты деятельности
горловского литобъединения в 50-х годах.**

© Николай Гончаров - 2012

© Журнал «Пять стихий» - 2012

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОРИСА КОТОВА

В октябре 1950 года я, в ту пору внештатный корреспондент городской газеты «Кочегарка», получил телеграмму с просьбой срочно приехать в редакцию. Так было часто: меня обычно ждало какое-то поручение. Однако на этот раз заместитель редактора Александр Александрович Эмилит повел со мной разговор о другом. Накануне в автомобильной катастрофе трагически погибла молодая учительница русского языка и литературы средней школы № 73 Людмила Ивановна Клевцова, которую газета приобщала к руководству городским литературным объединением. Энергичная, влюбленная в свой предмет, она охотно помогала Эмилиту проводить занятия местных авторов, собиравшихся тогда в редакции каждое воскресенье. Сообщив, что поедет в областную библиотеку, чтобы подготовить лекцию, которую собиралась прочесть в литобъединении, Клевцова туда не доехала...

Хоронили мы ее на центральной аллее кладбища, и не забывали: на ее могиле всегда были цветы. Теперь нет там не только цветов, но и самого холмика: на его месте – пышное надгробие, видимо, быстро преуспевшего и скоро оставившего мир наживы и зависти человека...

Я начинаю свой рассказ о литераторах Горловки тех лет со столь печальной ноты потому, что мой родной город недооценивает свое литературное прошлое. Позабыты многие известные в прошлом имена. Уходят люди, теряются документы, фотографии. А ведь в них живая история города, замечательное духовное богатство! В Горловке до сих пор нет достойного литературного музея, в который давно просятся будни городского творческого объединения, где могут быть наглядно представлены, по моим подсчетам, до сорока писателей, связанных со славным шахтерским городом своим литературным наследием. А предпосылки для такого музея давно есть: я не знаю ни одного населенного пункта, воспитавшего за сравнительно короткий срок столько заметных

писателей. В Горловке, конечно, знают, что двадцать горловчан стали членами Союза писателей СССР, куда принимали в ту пору не так-то просто. В свое время я вел переговоры с музейными работниками Горловки. Они соглашались со мной. Насколько я знаю, обращались к местным властям. Только их согласия, как видно, не получили. Тогда я написал нынешнему городскому голове. Ответа, скорее всего, так и не будет, как не было его и от прежних руководителей города... Между тем, Горловке, меняющей свою старую профессию, литературный музей был бы весьма полезен. Он бы существенно дополнил уже существующий в городе музейный ряд. В нем есть что рассказать и горловчанам, и туристам. Комната в городской библиотеке такого музея не заменит. Помещение для литмузея найти несложно: вот хотя бы двухэтажный коттедж, в котором первое время жил с семьей Павел Беспощадный...

Наверное, свое веское слово о будущем музее могло бы сказать и городское литературное сообщество, к несчастью, расколовшееся на враждующие отсеки. Вот я и подумал, вспоминая бывшее горловское литературное братство, что, может быть, общие хлопоты о будущем музее сведут воедино оба творческих крыла в надежде оживить подлинную литературную память знаменитого шахтерского города. В самом деле, кто же станет делить горловское литературное прошлое по нынешним предпочтениям? Сейчас и самые отпетые либералы в разбежавшихся странах опомнились и задумались. У нас в России нынче весьма популярна обновленная украинская поговорка: «Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Но когда и перепрыгнул, тоже не говори «гоп»: сперва посмотри, во что влетел»...

Творческие люди в новых независимых странах стали пристальней всматриваться в наше общее прошлое. И вовсе не для того, чтобы лишний раз поплакать в жилетку о старом общежитии. Что свершилось, - то свершилось. Но было в нашей прошлой жизни, в том числе и литературной, много доброго и светлого, что и сейчас можно взять в нелегкую дорогу. Газета

«Кочегарка», по меткому слову Бориса Горбатова, была колыбелью литературной молодежи. Ей всегда была присуща исключительная доброжелательность к творчеству начинающих авторов. При этом, если речь шла о выборе, она оказывалась на стороне лучшего текста и никогда не принимала во внимание никаких посторонних мотивов. Я лично ощутил это с первого своего шага в газете. Когда в апреле 1950 года принес в редакцию свою тетрадку со статьей о Маяковском, к 20-летию со дня гибели поэта, там уже была набрана статья другого автора на ту же тему. Прочтя мое сочинение, Эмилит сказал, что у них есть подобный материал, но мой – лучше и будут печатать его...

Больше того, он привел меня в литературное объединение, представил, как студента-филолога и молодого литературного критика, который все знает о Маяковском. Все – не все, а кое-что я знал. Великий поэт тогда звучал в моей душе, и говорить о нем я мог сколько угодно. Прислонил свою палку к столу и стал рассказывать о том, как Маяковский немного не доехал до Горловки, направляясь сюда из Ясиноватой: машина сломалась. Этот мой рассказ, подкрепленный стихами поэта о шахтерах, вызвал интерес молодых гениев Горловки. Эмилит заметил его и попросил меня к следующим занятиям подготовить сообщения о других известных писателях, побывавших в Донбассе. И когда месяца через два в литобъединении появилась Клевцова, мы с ней чередовали свои короткие доклады на литературные темы. Причем, Людмила Ивановна доходчиво умела рассказывать о писательском мастерстве: сказывался ее учительский опыт. И вот ее не стало...

В помощь Эмилиту, в одиночку после войны возрождавшему творческое движение в Горловке, снова понадобился человек, близкий к местным литературным кругам. Александр Александрович назвал редактору Ивану Федоровичу Синько мое имя. Тот согласился, но сказал, что хорошо бы избрать руководителя литобъединения на общем собрании местных писателей. Для подготовки такого литературного слета

и вызвал меня телеграммой Эмилиит. Общий творческий сбор объявили по городскому радио.

Так в последнее октябрьское воскресенье 1950 года я стал первым избранным руководителем Горловского литобъединения. Меня дружно поддержали фронтовики. Я был человеком их круга. Голосовали за меня единогласно. С тех пор, занятый своим газетным делом, Эмилиит был на литературных сходках всего три раза.

Хочу сразу же сказать, что у меня нигде не было «волосатой руки», всего я добивался сам. При этом все видели, что мне понадобилось чуть больше усилий, чем другим. И горя, и мук в военное лихолетье мне выпало намного больше, чем другим. Страдания, горькие раздумья, особенно в часы, когда в госпиталях, где я провел 1610 дней и ночей, неистово терзала боль, закалили дух, приучили не пасовать перед трудностями, а добрые люди, встретившиеся на пути, научили терпеливо и участливо относиться ко всем, с кем сводила судьба. Видимо, это в какой-то мере почувствовали и местные писатели. И сейчас, на склоне лет, когда люди обычно исповедуются, я говорю совершенно искренне, что ни в чем не подвел своих коллег, и мне не стыдно за свою работу в литобъединении в то сложное время. Я всячески старался оградить начинающих авторов от многих невзгод, каких тогда было немало. У меня была и осталась стойкая черта, которой горжусь, и которой не поступался ни при каких обстоятельствах: я всегда давал отпор вельможному хамству любых начальников. Тогда работали шесть дней в неделю. И на тех, кто в свой выходной тащился в редакцию порой с дальних рабочих поселков в обшарпанных послевоенных трамвайчиках, иные руководящие совмещане смотрели, как на слегка пришибленных чудиков. Но так было до поры, пока окрепшее литературное объединение не стало принимать кое-кому, мягко говоря, неудобства. Но об этом позже.

Пишу я эти строки в смутное время, когда нашу великую страну свои и заморские стервятники разодрали в клочья, когда моя родная Горловка оказались за кордоном. Не знаю, протчет

ли эти строки кто-нибудь, откопав их в пыльной музейной кладовке. Но я знаю твердо, что придет лучшее время, когда люди, уставшие от скотской жизни и злобы, опомнятся и, отринув митинговые страсти, оглянутся вокруг и скажут: а ведь жили в Горловке и до нас, даже пытались описать свои будни, тянулись к слову, к высотам культуры. И наверняка поинтересуются: как же им это удавалось в то время и что это были за люди, что они писали, что волновало и тревожило их. Наверняка найдется такой человек в Горловке, который поймет, что в истории маленького литературного кружка можно прочесть все боли, страсти и трагедии, какие волновали, радовали, калечили живую душу того, что называется отечественной литературой в целом. Ведь Горловское литературное объединение – один из тех многих светлых ручейков, которые постоянно подпитывают духовную жизнь народа в глубинке. Именно для такого человека я пишу сейчас в Москве эти строки, мысленно вглядываясь в те далекие годы, в лица людей, которых мне не забыть никогда.

Но прежде чем перейти к сути дела, ради чего я и взялся за перо, и чтобы сразу ввести в атмосферу литературной Горловки тех лет, позволю себе привести здесь строки, написанные учителем Сергеем Ширяевым, который позже уехал в Россию и стал известен своими стихами, опубликованными в книге «Лицом к лицу с Америкой» - о поездке Н.С. Хрущева в США. Привожу строки Сергея с понятным смущением, ибо в них речь идет и обо мне. Но это свидетельство очевидца и участника. Сквозь известную риторику тех лет в них пробивается главное, увлеченное горловским учителем, - дух братства и содружества увлеченных литературой людей. И это, хоть и не без оговорки, одолело мое смущение. Впрочем, вот эти строки:

*В воскресные дни, когда в Горловке жители
Гуляют нарядной толпой,
Поклонники музыки, стихов сочинители
В редакцию входят гурьбой.*

*Вокруг Гончарова садятся все в ряд,
И, целью единой согреты,
Читают стихи, обсуждают, долбят:
Пути себе ищут поэты.
Они их найдут, несмотря ни на что,
Работая в дружеской спайке.
Тут учатся все: и учитель в пальто,
И слесарь в сезонной фуфайке.
И в этой учебе: борьба за идею.
О ней спорят долго, взволнованно, жарко...
В большую дорогу программой своею
Поэтов ведет «Кочегарка»*

Что правда, - то правда: спорили мы жарко. Ведь там, под крышей нашей газеты, собирались люди, еще не забывшие яростных фронтовых атак, подчас приходившие в спецовках сразу после горячих трудовых вахт...

Как-то месяца через два Эмилиит спросил меня, почему я не прихожу за зарплатой. Я удивился: за какой, мол, зарплатой? «Вам, как руководителю литобъединения, положено двести рублей в месяц», - ответил заместитель редактора. Наверное кто-то, знающий, что из себя представляли в ту пору эти тощие рубли, улыбнется. Но я вам скажу по правде, эти малые деньги все же были для меня кое-какой поддержкой, если учесть, что я, в ту пору инвалид Отечественной войны I группы, получал пенсии всего пятьсот рублей. А когда вскоре нашу семью постигло неизбывное горе, эти двести рублей неизмеримо выросли в цене...

И тогда мне снова помогли фронтовики – на этот раз редакционные. Именно они уговорили редактора взять меня в штат, в котором была лишь одна вакансия – в партийном отделе. «Но он же беспартийный, и даже в комсомоле никогда не состоял», - возразил было Синько. И тогда фронтовики придумали хитрую формулировку приказа. Иван Федорович, царство ему небесное, подумав, согласился и в декабре 1950

года подписал беспримерный приказ: меня, беспартийного, взяли в отдел партийной жизни с такой оговоркой – «литработником по вопросам советского строительства». Ай, да «Кочегарка»!..

В первый же мой рабочий день была комическая сцена. Увидев меня, редактор промолвил с чувством:

- В хорошее время начинаете работать. Знаете, какой сегодня день?

- Среда? – вопросительно-растерянно посмотрел я на своего шефа.

Он взглянул на меня, как агроном на суслика...

- Четверг?..

- Сегодня, 21 декабря, - день рождения Иосифа Виссарионовича!..

Я вспыхнул, как речной бакен, и готов был провалиться сквозь землю. В конце 1950 года я был среди большинства. Сходно мыслил и, несмотря ни на что, свято верил...

До глубины души, поверьте, я был тронут доверием редакции, и летел на работу, как на крыльях, хоть и шагал тогда еще с палочкой. Я понял, что это моя дорога, что я выстрадал ее в госпиталях, что о чем-то таком я мечтал бессонными ночами. Беспощадно переписывал поступавшее в редакцию рабкоровское сырье, писал сам, составлял подборки стихов членов литобъединения в разные газеты и журналы с заметками об авторах, готовил каждый месяц литературную страницу. И тут неожиданно возникла еще одна творческая работа, близкая солдатскому сердцу. Однажды утром раздался звонок из Киева. К телефону попросили руководителя городского литобъединения. Мой шеф – заведующий партотделом Александр Александрович Эмилиит, спокойно взявший трубку, удивленно поднял свои густые брови и, отчаянно жестикулируя, подозвал меня к себе. Передавая трубку, шепнул: «Секретарь ЦК». Я был удивлен не меньше Эмилиита, когда кто-то сказал в трубку: «Сейчас с вами будет говорить Иван Дмитриевич Назаренко». Оказалось, что к секретарю ЦК Компартии Украины

приходила группа русских писателей, живущих в нашей республике, по делам нового литературно-художественного журнала, который готовился к изданию на русском языке. Среди этих писателей был и горловчанин подполковник Юрий Черный-Диденко. Разговор зашел о тех, кто выступит со своими произведениями в первых номерах **«Советской Украины»** (сейчас – **«Радуга»**). Юрий Лукич сразу же назвал друга и ученика Павла Беспощадного – поэта Бориса Котова, отличившегося при форсировании Днепра, и посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза. Секретарь ЦК решил лично узнать о судьбе рукописей поэта, его семье. К стыду своему, я ничего не мог сказать И.Д. Назаренко, так как никогда раньше не слышал о Котове, хотя он жил и работал в Горловке на шахте № 9 «Подземгаз», и пообещал немедленно начать поиски.

Иван Федорович Синько, узнавший о звонке, велел бросить все дела и отправиться в Ново-Горловку. Жена Котова Елена Захаровна сказала, что особо важная тетрадь исчезла бесследно: ее взял секретарь горкома комсомола Колесов, а сам уехал учиться в Ростов. Редакция немедленно выписала мне командировку туда. Колесов сказал, что передал рукопись в областное книжное издательство. Не хочу утомлять вас рассказом о своих поисках... Рукопись я нашел на чердаке издательства. К ней была приклеена бумажка с приговором известного донецкого критика: «Слабки вирши»... Мыши объели тот край тетрадки, где наложена резолюция. Показал этот отзыв Павлу Григорьевичу Беспощадному. Посмотрел он недоеденный приговор стихам своего ученика и рассмеялся: «Смотри, какие умницы, съели как раз резолюцию этого чудака, а стихов почти не тронули». На глазах помрачнев и со значением постучав по столу полусогнутым пальцем, сказал зло, как припечатал: «Холодная порода, без уголька, ни одной тебе прожилки! Не заметишь таких стихов!» И вслух стал читать «Гармониста»:

*Окованная медью по углам,
Гармонь казалась недоступно строгой.
А парень брал ее по вечерам,
Ладов стекляшки осторожно трогал.
Он, как ребенок новые слова,
Искал в ладах могучие звучанья
И каждый звук, как тайну, открывал,
Берег, терял и находил случайно.*

Павел Григорьевич поднял тетрадку над головой, заговорил задумчиво, словно вглядываясь в синеющий за окном вечер: «Тут, знаешь, весь Борис – скромный и настойчивый в поиске слова, чуткий к поэтической мелодии». И стал называть стихи Котова для подборки в **«Советскую Украину»**...

С той поры началось возвращение Бориса Котова к свету, к новой посмертной жизни. Но шло оно, теперь об этом можно сказать, не так уж просто. Среди добрых откликов на мой первый очерк о поэте оказалась злобная «телега», предупреждавшая меня так: «Ты прославляешь поповского сына». Скрыть сигнал неизвестного стукача я не мог и пошел с ним к редактору. И тут наш осторожный шеф, которого я тогда мало знал, предстал передо мной с неожиданной стороны. Он внимательно прочитал письмецо и сказал: «Не обращайтесь внимания... Если бы все поповские сыновья были такими»... Я коротко ответил: «Спасибо, Иван Федорович!» Мы поняли друг друга. Наш караван пошел дальше...

Для меня работа с литературным наследием Бориса Котова была исполнением моего солдатского долга, а после анонимки – и делом принципа. Она помогала мне найти убедительные примеры в беседах с начинающими авторами. В литературном объединении мы жадно читали переписку Бориса Котова с литконсультантами, в том числе и с Михаилом Исаковским. В ней было немало любопытных деталей. Особый интерес для нас представляли стихотворные отклики Бориса Котова на злободневные события городской жизни. Тут был прямой повод

поговорить об интересах приютившей нас газеты, и я им сполна воспользовался. Живая переключка литературных поколений Горловки стала фактом. Борис Котов был теперь с нами в нашей городской литературной жизни. А когда в Донецком областном издательстве вышел составленный мною первый посмертный сборник Бориса Котова, о нем узнала вся страна. Говорю это без всякого преувеличения. Вокруг меня сразу же возникла эстафета неравнодушных людей, озабоченных судьбой поэта. Привез я книжку Бориса Котова в Горловку и первым делом показал ее Беспощадному. Павел Григорьевич погладил обложку ласково, как ребенка, и промолвил тихо, дрогнувшим голосом:

- Вот ты и вернулся, Боря, в Горловку...

По щекам поэта текли слезы. Я растерянно топтался на месте.

Павел Григорьевич встал с дивана, подошел ко мне и крепко обнял:

- Ты сделал доброе дело, Коля. Но это лишь первый шаг. Теперь я хочу видеть твою собственную книгу.

- Постараюсь, Павел Григорьевич!

- Смотри, скорей старайся. Знаешь, критики работают в горячем цехе литературы. И им, чаще, чем другим, надо вспоминать наше писательское присловье: «Два дела не оставляй на старость: женитьбу и рукопись».

Извинившись за свою хворь, Павел Григорьевич снова прилег на диван и сказал уже твердым, деловым тоном:

- Незадолго до твоего прихода звонил мне корреспондент **«Литературной газеты»** Алексей Ионов и просил написать рецензию на книгу Бориса. Так вот, садись, бери ручку, а я тебе буду диктовать. Уж извини, брат, там любят точность, а я совсем расклеился. Приготовился? Пиши: «С большим сердечным волнением держу я в руках любовно изданную книгу: **«Борис Котов. СТИХИ»**. А рядом на обложке Золотая Звезда Героя Советского Союза. Я знал его»...

Словно вчера это было. Я помню до деталей, как на следующий день, отпечатав рецензию, мы с Беспощадным

ждали Алексея Ионова. На исходе был декабрь 1953 года. За окнами выла снежная вьюга. Все дороги замело. Говорили, что движение по трассе Горловка – Сталино прекратилось. Я высказал предположение, что Ионов вряд ли пробьется в такую пургу. Но старик упрямо сказал:

- Ты не знаешь Ионова. Если пообещал – пешком придет.

В тот момент в окно постучали. То был Алексей Васильевич Ионов...

На этом моя работа с литературным наследием Бориса Котова, которая шла на виду у молодой горловской творческой поросли, не закончилась. Я составил вторую посмертную книгу поэта **«Недопетая песня»** с моим очерком о жизни Бориса Котова. В эту книгу вошли новые, разысканные мною стихи, повесть **«Записки ликвидатора»** и письма с фронта. Потом, по моим следам, любовно пошли другие. Появились новые публикации, в том числе в Киеве и Москве. Бориса Котова посмертно приняли в Союз писателей СССР. Ему также посмертно была присуждена престижная республиканская литературная премия имени Александра Бойченко. На шахте № 9 «Подземгаз», где работал Борис Котов, у школы, где учился его сын, ставший впоследствии полковником Советской Армии, был сооружен памятник поэту. В этой же школе открыли музей Бориса Котова.

Немало мне пришлось походить по разным чиновничьим кабинетам, пока улицу Днепровская, на которой жил поэт (какое созвучие судьбы!) называли его именем. Я бережно храню открытку Юрия Черного-Диденко: «Вчера в Союзе писателей Украины открывали новую мемориальную доску. На ней и имя Героя Советского Союза Бориса Котова, и я невольно вспомнил тебя, который приложил столько сил, чтобы вернуть из безвестности нашего земляка-героя»...

Наверное есть знаки судьбы: когда я писал эти строки, раздался телефонный звонок. В трубке звучал знакомый голос. Полковник Сергей Борисович Котов, который теперь живет в Москве на соседней улице, просил меня выйти на минутку во

двор. Он только что вернулся с дачи и хочет кое-что передать мне. В большой сумке были краснобокие яблоки, о каких так трогательно писал его отец...

КАК ЗАБИВАЮТ ГВОЗДИ

В мое время – с октября 1950 по сентябрь 1958 года на занятия в редакцию порой собиралось до сорока четырех человек. Это были люди разных возрастов и профессий. Но весь этот восьмилетний период своей сплоченностью, взглядами на жизнь, целеустремленностью выделялись две группы – фронтовики и старавшиеся походить на них дети войны. Именно среди них и оказались самые одаренные, имена которых прозвучали потом на всю Украину и даже на весь Союз. Сразу же хочу назвать «золотишко», которое осталось на густом сите времени. Это ученый-философ, академик, прозаик и поэт, полковник Борис Яроцкий, нынче живущий на два дома – в Москве и на берегу Северского Донца в дачном поместье на Луганщине. Его остросюжетные романы посвящены драматическим событиям современности. О разрушении ВПК Украины он с болью рассказал в романе **«Город динозавров»**. О том, как в России разворовывают народное достояние – подземные клады – в романе **«Змеиная гора»**. Схватке за власть в России посвящен его роман **«Час олигарха»**. Публицистика Бориса Яроцкого звенит от гнева за развал Отечества, за то, что миллионы людей влачат нищенское существование. Эти убедительные послания писателя народу читать больно и горько. Яроцкий печатает их в **«Правде»**, став ее внештатным корреспондентом. Своих убеждений писатель не меняет и не скрывает. Он живет среди народа, и его муками проникнуты все строки писателя. В последнее время на книжных прилавках появились острые политизированные детективы Яроцкого. Они быстро расходятся и обретают многих читателей.

К нам в литобъединение Яроцкий пришел с тетрадкой стихов, приехав из села Кременное на Луганщине на школьные

каникулы в Горловку к своему родственнику. Узнал о литобъединении, побывал среди горловчан-сочинителей и прильнул к ним сердцем. Так среди них потом и проводил свои каникулы и отпуска. В Донбассе вышли две его первые книги – сборник стихов **«Мое горнило»** и книга рассказов **«Первая получка»**. Лиха беда – начало...

Остается на слуху и в памяти читателей горловский детский врач Иван Костыря. Это весьма талантливый прозаик. Жаль, рано умер. Незадолго до смерти мы с ним виделись в Москве. Он был полон творческих планов и много еще мог поведать читателю. Не могу забыть, с какой отрадой мы встретили уже первый его рассказ **«Капли светятся»**. Они светятся и до сих пор... Итоговый трехтомник Ивана Костыри достоин был гораздо большего тиража...

Плотник Егор Гончаров сумел подняться на значительную литературную высоту и в советское время был удостоен известной премии имени Николая Островского. Егор и сейчас в литературном строю, создавая произведения, которые находят своего читателя.

Помню, пришел на свое первое занятие скромный паренек, у которого были золотые руки, и прочел что-то вроде зарисовки с натуры **«Как забивают гвозди»**... В ней были интересные наблюдения, которые не выдумаешь. И сразу подумалось: у этого парня, которому довелось столько пережить, есть что рассказать людям. Но учиться надо, учиться! Имевший всего шестиклассное образование, Егор прислушался к моему совету, окончил школу рабочей молодежи. Мы рекомендовали его в престижный московский литературный вуз. Этот парень вышел на большую творческую дорогу, стал писателем-профессионалом, и своим примером показал всем, **«как забивают гвозди»**...

Талантливыми произведениями о детях и для детей прославилась учительница Виктория Кузнецова (Вита). Не знаю, жива ли она, но книги ее живут.

Среди поэтов выделялись проходчик Николай Домовитов и токарь Владимир Демидов. Они заметно соперничали. На мой взгляд, сперва побеждал Домовитов. Николай Домовитов стал писать и прозу, в которой зазвучали оригинальные суждения и наблюдения. А шли они от тех десяти лет, которые он провел за колючей проволокой, о чем Николай до поры помалкивал... И когда в литобъединении появился второй бывший репрессированный – работник городского парка культуры и отдыха Владимир Черненко, писавший отличные стихи, наше литературное сообщество оказалось под колпаком местной спецслужбы.

Вслед за Домовитовым и Черненко, я почувствовал, тянулся какой-то след. Сперва со мной с какими-то прозрачными намеками поговорил Иван Федорович Синько. Позже я узнал, что к нему приходили бравые ребята из особняка, что у Красного базара. Редактор дал мне понять, что интересовались Домовитовым и Черненко... Иван Федорович стал внимательно читать наши литературные страницы...

Из соседнего города позвонил редактор газеты **«Енакиевский рабочий»** Ефимов. Как видно, изрядно перетрусивший (тогда еще был жив Сталин), он сказал мне: «У нас печатался Домовитов, и к нам пришли, сам знаешь откуда. Гони его, иначе тебе несдобровать»...

А в нашем литобъединении появился «засланный казачок». Когда он прочитал свои стихи, не трудно было догадаться, что к нам пожаловал провокатор. Выходит, меня и моих подопечных грубо проверяли? Но затея тех, кто заслал к нам «казачка», с треском провалилась: горловские фронтовики-литераторы прогнали провокатора. Дня через три ко мне из особняка пришел очень вежливый парень. Прямо с порога, поздоровавшись, с заметным участием поинтересовался: «Как ваше здоровье?» Предъявил удостоверение и повел неожиданный разговор о том, что ему нравятся стихи Николая Домовитова и Владимира Черненко. «А вам?» - спросил он меня. Я сказал, что мне – тоже. «Но вот беда, - продолжал этот

любопытный парень, - у этих ребят, к сожалению, - злые языки. Не находите?» Я насторожился, и отвечал, что ничего подобного не замечал, и это было правдой: в чем в чем, а в злоязычии, даже на бытовом уровне, я ни Домовитова, ни Черненко упрекнуть не мог. Они оба ровно, дружелюбно относились к товарищам по перу и вели себя безупречно. Пройдет всего несколько лет, и я уже так о Домовитове сказать не мог: он стал заносчивым, нетерпимым в общении, зло отзывался о приятелях и терял друзей. Правда, часто спохватывался, сокрушался, но вернуть прежнее расположение товарищей было нелегко, а порой уже и невозможно. И это злоязычие как-то уживалось в нем с его несомненным дарованием. Он творчески рос, оставил семью, легко менял женщин, переезжал с места на место, пока не остановился в Перми, где и умер, обретя довольно широкую литературную известность, став ответственным секретарем тамошней писательской организации. Скажу откровенно, я с тревогой следил за его литературным возмужанием и подружески жалел о его житейских срывах, о тех десяти годах, которые он провел за решеткой. О том, как он туда попал, мне рассказывал Иван Федорович Синько. Видимо, его просветили ребята из особняка. В бакинском госпитале, где Николай находился после ранения на фронте, он, человек впечатлительный, разъяснял своим однопалатникам, почему, по его мнению, мы отступали. Разговор был откровенный, острый, Домовитов, как это с ним в такие минуты бывало, увлекся и не заметил женщину-врача, тихонько вошедшую в палату. Через два часа пришли крепкие ребята с носилками, и Домовитов оказался в тюремной больнице. На скором и беспощадном суде ему разъяснили, что он «сеял пораженческие настроения» среди раненых, а потому следующие десять лет в соответствии с законами военного времени проведет в особой зоне в Баку. Среди военных прокуроров той поры не нашлось ни одного милосердного и дальнзоркого. И после Победы срок этот не уменьшили ни на один день. Это и была суровая плата за «злой язык», о котором говорил мне горловский кагэбист. Кстати, парня

этого, который больше в редакции не появлялся, я иногда видел на трамвайной остановке, и он всегда подчеркнуто вежливо здоровался со мной, непременно тут же спрашивая: «Как ваше здоровье?..» Несомненно читал мое пенсионное дело, а может, и мои скорбные госпитальные листы...

И вот еще что уже тогда показалось странным: весьма точная информация о Домовитове военных лет каким-то образом проникла в литобъединение. Мы с Синько молчали как партизаны на допросе и печатали стихи Николая, как и прежде. Но что-то все-таки шелестело в закоулках до той поры, пока, спустя годы, Николай не принес официальный документ Генеральной прокуратуры Азербайджанской ССР о том, что он полностью реабилитирован. Однако, не скрою, и позже замечал, как горловские литераторы-фронтовики бросали на Домовитова косые взгляды. У них было свое мнение о законах военного времени. Может слушок на то и был рассчитан? Кто теперь в этом разберется?.. Это были дети сурового времени. Фронтовики тогда всюду были на виду. С их суждением считались. Их побаивалось начальство. Стоит ли мне говорить о том, что и литобъединение сплачивалось и держалось их силой? Тон в нем в мое время задавали фронтовики братья Анатолий и Леонид Пивни. Первый, на войне – офицер, работал диспетчером, а второй – младший, на фронте – старшина, был слесарем-сборщиком угольных комбайнов на машзаводе имени С.М. Кирова. Анатолий был подававшим надежды литературным критиком, а его брат – Леонид писал любопытные басни. Вот одна из его мини-басен **«Кукушка-лектор»**:

*Кукушка лекцию читала
О воспитании детей.
Что в зале думали о ней?
* * **

А лекторов таких немало...

Братья были и в общественном, и в литературном плане очень активные люди и являлись моими первыми помощниками. Оба глубоко разбирались в литературных текстах и отчаянно громили графоманов, которых прибывалось к нам немало. Помню, как братья своей квалифицированной настойчивостью заставили одного из них – забойщика Ковбасу, писавшего очень слабые стихи, покинуть литобъединение из-за полной беспомощности. По этому случаю мы сочинили и опубликовали в очередном номере нашей огромной – чуть ли не на длину всего коридора – стенгазеты **«На-гора!»** такое четверостишие:

Поэту Ковбасе

*Свои стихи в редакцию несу,
Но до читателя они дойдут едва ли:
Вчера у нас поэта Ковбасу
Два Пивня насмерть заклевали...*

Очень жаль, что Анатолий Пивень уехал из Горловки в свой родной Мелитополь, работал там на заводе, и, по моим сведениям, отошел от литературных занятий. То же случилось и с Леонидом. Когда меня перевели в Сталино, он все реже посещал занятия литобъединения и оставил литературу. Жаль! Это был, как и его брат, человек весьма одаренный.

Творчески активным человеком был и бывалый комбат, кавалер ордена Боевого Красного Знамени Владимир Кондюшин, писавший пронзительные стихи на шахтерские темы, сатирические стихотворные миниатюры о поджигателях войны. Но его все больше привлекало живое газетное дело. Ряд лет он был корреспондентом газеты **«Комсомолец Донбасса»**. Последний раз я говорил с ним в 1995 году, приехав на побывку в Горловку. Невеселый это был разговор. Оказывается, Кондюшин ради куска хлеба сбывал на Красном базаре какие-то свои вещи, простаивая там часы на толкучке. Было стыдно, горько и обидно за ветерана войны, брошенного политиками в беспросветную нищету...

Фронтамиками были и такие талантливые люди, как Иван Лындин, потерявший ногу на войне и ставший инвалидом, но тем не менее каждое воскресенье добиравшийся до редакции из поселка Зайцево, врач Евгений Филозоф, зав. складом стратегического назначения Александр Дидоренко, замполит училища для детей погибших фронтовиков Павел Скубко, электромонтер Николай Москвин, служащий Ефим Поленок и ряд других.

С Пашей Скубко, ставшим позже заместителем редактора «Кочегарки» и редактором большеформатной газеты «Макеевский рабочий», у меня сложились особо дружеские отношения. Он, как и многие фронтовики, никогда не распространялся о своих воинских делах. А между тем, был смелым солдатом, стрелком-радистом штурмовика, прозванного «летающим танком». Не раз метким огнем он разгонял атакующих немецких истребителей. Но однажды им удалось зажечь его Ил-2. Паша отбивался до последнего патрона в объётой пламенем машине, и покинул ее по приказу пилота, когда самолет уже разваливался. Скубко повис на высоком дереве над обрывом. Стропы парашюта нельзя было резать: разбился бы. Целые сутки висел на дереве, тревожно прислушиваясь к треску ломавшихся ветвей. В те часы он, совсем молодой парень, поседел. Спасли его партизаны, переправили в часть, и снова – в бой, в атаку на другом «летающем танке»...

Паша писал стихи о подвигах героических людей, сочинял и рассказы. Помню замечательные стихотворные строки о вожде рабов – Спартаке. В своем училище он умел находить путь к душам осиротевших ребят. Паша стал блестящим газетчиком, лауреатом премии Союза журналистов СССР. Он умер рано. Для меня это была невосполнимая утрата. Он был дружелюбным, уважительным человеком. К его голосу прислушивалось все литобъединение. Это было веское, обдуманное, строгое, но дружеское слово. Он был человек примерный во всем: в работе, в дружбе, в общественных делах.

Пусть эти строки будут ему, как и всем фронтовикам, скромным памятником.

Еще один мой фронтовой побратим в истории Горловского литобъединения достоин красной строки. Ученик средней школы № 10 на поселке Ртутного комбината Сережа Посниченко пришел в **«Кочегарку»** еще до войны и при содействии Юрия Черного-Диденко делал там первые творческие шаги. Печатался в сборничке **«На-гора»**, выпущенном газетой. Я передал эту книжицу в исторический музей Горловки. Там стихи Сережи можно увидеть в одном ряду со строками Бориса Котова. Сергей воевал достойно, потом был фронтовым газетчиком. Вернулся домой после Победы и стал усердно помогать Эмилиту собирать горловских начинающих сочинителей. Но его вскоре отозвали в Советскую Армию. Он служил на Дальнем Востоке в знаменитой газете **«Суворовский натиск»**, стал ее ведущим сотрудником. Но его сердце было в Горловке, и в каждый отпуск Сергей, уже подполковник, приезжая в родной город, первым делом навещал литературное объединение, куда являлся с новыми любопытными стихами, которые доносили запахи тайги, отголоски пограничных историй, невероятные события в соседней великой стране...

Когда пришло время уходить в запас, Сергей вернулся в Горловку, тут же приехал ко мне в Донецк, поговорили мы с ним по душам о многом и, конечно, о нашем общем горловском литературном доме, где Сергей вскоре по праву занял ведущее место. Увидели свет и его поэтические сборники.

В той же средней школе № 10 учился еще один будущий фронтовик с очень интересной творческой судьбой – Иван Карабутенко. После Победы Иван Федотович осел в Москве, и занялся переводами с украинского, со временем стал знаменитым, незаменимым переводчиком с родного языка на русский. Благодаря его подвижнической работе все лучшее, что выходило на Украине, стало достоянием всесоюзного, а потом, в ряде случаев, и мирового читателя. Долгие годы свою творческую работу он сочетал с многолетней службой в

аппарате Союза писателей СССР. Всегда по-доброму, задушевно встречал земляков, никогда не отказывал в помощи оказавшимся в столице по лечебным, творческим, служебным делам. В будущем Горловском литературном музее его по праву ждет достойное место.

Не могу здесь же не сказать еще об одном питомце средней школы № 10 – Иване Евсикове. Во время войны он, по моим сведениям, был в Кузбассе. После Победы стал журналистом, плодотворно работал в **«Комсомольце Донбасса»**, в киевской **«Рабочей газете»**, где стал известным, даровитым публицистом. Школа № 10, если она еще не успела это сделать, вправе открыть для этой троицы литературный уголок, и уж, во всяком случае, вправе гордиться такими своими питомцами.

И тут я подошел к еще одному заметному отряду молодых литераторов Горловки, в мое время особенно усердно посещавших занятия литобъединения. Это были дети войны. Они азартно учились в школах, наверстывая упущенное, стремились в вузы, техникумы, училища. Назову тех ребят, кто особенно выделялся своим стремлением к знаниям. Первым по праву среди этой особой литературной поросли был токарь Володя Демидов – человек трудной судьбы. Его отец погиб на фронте. Он вместе с братом и матерью-еврейкой пережил на Дону все ужасы оккупации: их, бежавших из Горловки, обогнали там немецкие танки. По доносу предателя всю семью едва не расстреляли. Но нашлись в казачьем крае смелые люди, укрывшие несчастных беженцев. Всю жизнь Володя помнил и чтил их. Там на Дону, в обожженном бедой сердце мальчишки родились его первые строки, которые не скоро появятся на бумаге. Возвратясь в Горловку, работая учеником лудильщика, потом токарем, спешил по вечерам в школу.

Рядом с ним неистово тянулись к знаниям одаренные ребята, уже сложившие первые строки. Учились, пробиваясь к высшим знаниям школьники Борис Яроцкий, Толя Егоров, Вадим Зубарев, Саша Ткаченко, питомцы горно-промышленного училища Николай Титов, Александр Подмогильный, учащиеся

горного техникума Георгий Дорофеев, Владимир Назин и другие. «Дети, опаленные войной», как и фронтовики, представляли в литобъединении одну сплоченную группу, которая выделялась трудолюбием, большим интересом к литературе и быстро овладевала творческими секретами.

Пример этих ребят зажег многих, в литобъединении возник своеобразный культ учебы, который увлек даже стариков. При мне пожилой фронтовик, электромонтер, у которого было пятилетнее образование, Николай Москвин, увлеченный общим походом за знаниями, подался в вечернюю школу и окончил ее. И тут у многих логично возник интерес к высшему литературному образованию. Заочно знаменитый Литературный институт имени А.М. Горького успешно окончили десять горловчан, посещавших литобъединение. Первопроходцами в этом были Владимир Демидов, Егор Гончаров, Павел Омеляненко, Николай Домовитов, Николай Титов и другие. Иван Костыря окончил Высшие литературные курсы. Все они поступали туда по рекомендации литобъединения Горловки. Именно они и стали среди горловчан первыми членами Союза писателей СССР.

Была в нашем литературном объединении и еще одна группа, которая тоже выделялась дружеской спайкой и особым взглядом на Донбасс. Это, как вы догадываетесь, шахтеры. Их у нас было в разное время человек восемь – девять. Они писали о горняках. Не все созданное ими осталось в памяти. Но были подлинные творческие прорывы. С особым душевным волнением называю Женю Сердинова – такелажника шахты «Кочегарка». Это был могучий парень, смельчак, рослый, статный красавец с какой-то обаятельной улыбкой. Писал стихи, в которых пробивались удивительные строки. Это он сказал об угле: «Ты будешь жить, лишь выйдешь из забоя, короткую, но пламенную жизнь». Когда эти строки прочел Павел Беспощадный, он позвонил мне и велел обратить на Сердинова пристальное внимание. Женя издал небольшой сборник стихов, о котором тепло отозвалась критика.

Печатью творческой одаренности несомненно был отмечен горный мастер шахты № 4-5 «Никитовка» Алексей Журман, который писал о горных машинах, как о людях. Тоже был крепкий, рослый парень, человек молчаливый, мудрый, ценивший красоту дельного слова и, если отзывался на творения собратьев по перу, то всегда только в случае, когда они удивляли его чем-то: неожиданным открытием или откровенной глупостью. Мы печатали его теплые зарисовки. Он, как и Женя Сердинов, писал мало, долго, но все его шахтерские были непременно отличались каким-нибудь неожиданным наблюдением.

Два молодых горняка Мыкола Титов и Саша Подмогильный, окончившие профессиональные училища, писали стихи: первый – на живом, метком украинском языке, усиленном добрым чувством юмора, а второй – на русском, тоже не без любопытной живинки. Мыкола Титов сочинял и рассказы. Его сборник был встречен одобрительными рецензиями. Удивлялись непридуманном находкам Мыколы, особенно в стихах о горняке, который первый раз спускался в шахту. Когда клеть ухнула в преисподнюю, он отчаянно закричал: «Ой, спинить її, спинить!..» Но Коля рано ушел от нас: его сжег туберкулез. Я был последним, кто навестил его в Киеве, на Батыевой горе в Амосовском Институте туберкулеза и грудной хирургии. Было видно, что Колю испепелял внутренний огонь. Щеки его пылали. Он держался из последних сил, но улыбался и даже пытался шутить. Я ушел от него, еле сдерживая слезы...

Саша Подмогильный тоже умер рано, уже в Москве, успев хорошо потрудиться в государственном информационном ведомстве: десять лет он был корреспондентом ТАСС по Магаданской области. Оттуда он вернулся в столицу с подорванным здоровьем, но еще работал в шахтерском ведомственном журнале пока были силы. Когда у меня раздался печальный звонок, я пошел к главному редактору «Трибуны», бывшему сотруднику «Комсомольца Донбасса» Виктору Андриянову, мы собрали с ним все, что могли, и тем проводили

Сашу в последний путь. А вечером в комнате отдыха главного редактора выпили по горькой рюмочке, и я прочитал оставшиеся в памяти стихи Саши. Он, сын павшего в бою воина, так писал о солдатском последнем приюте:

*Как зачехленные знамена
Над ним два тополя стоят...*

Еще две горняцких судьбы наособицу остались в памяти. Горные техники Володя Назин и Жора Дорофеев писали хорошие стихи, предпочитая патриотические мотивы. Но Георгий Дорофеев вскоре оставил поэзию и стал толковым журналистом. Одно время был директором Донецкой телестудии, потом корреспондентом украинской республиканской газеты. Там ему стало неуютно и он позвонил мне в Москву. Я рекомендовал его собкором в «**Социалистическую индустрию**», где он и работал много лет, постепенно тайком вызревая, как прозаик исторической тематики. Недавно прислал мне неожиданную, очень любопытную книгу об отношении Сталина к религии. Георгий, так же, как и Борис Яроцкий, своих политических взглядов не меняет...

Одаренный парень, Володя Назин был в литобъединении общим любимцем. Дружелюбный, открытый, любил легкую, беззлобную шутку. Его стихи привлекали неожиданными открытиями, новизной образов, теплотой взгляда на жизнь. На шахте он работал недолго: призвали в Советскую Армию. Служил в Венгрии, писал оттуда трогательные письма. А однажды, уже после известных событий в этой стране, он прислал мне такие стихи:

*Все могу. Могу со смертью даже
Рядом жить, отстаивая мир,
Если только Родина прикажет –
Мой вышестоящий командир.*

Мы встречали его со службы всем литобъединением. Много интересного он рассказал нам о венгерских событиях. По всему чувствовался в нем какой-то неясный пока надлом. Но молодость и природное жизнелюбие брали верх. Володя встретил и полюбил хорошую, милую девушку. Всем литобъединением гуляли у него на свадьбе. К сожалению, его счастье было недолгим. Скорее всего, именно поэтому он и уехал в Свердловск, где и умер. Свердловские литераторы рассказывали мне, что он пользовался известностью на Урале. Издал ряд книг. Стал членом Союза советских писателей.

Активно посещали литературное объединение проходчик Владимир Язловецкий, инструктор райкома комсомола Иван Лепин, слесарь Виктор Сергеев, дорожный мастер Виктор Николайчук, каменщик Георгий Гадиев, бухгалтер Серафим Бобров, быстро подготовившие свои первые книги. Все свободное время многие годы отдавала творчеству нормировщица Клавдия Выпряжкина, называвшая литобъединение светом в окошке. Писала она рассказы, первой приходила на занятия и умерла в смутное время на ходу, на пороге литобъединения...

Не могу не назвать учительницу Наталью Сердюкову, писавшую рассказы, и добившуюся литературного успеха уже в Орле, куда уехала на постоянное жительство.

Заметной фигурой в литобъединении была Надежда Ткачук. Она влетела (именно влетела!) ко мне в редакцию в рабочее время. Я был тогда ответственным секретарем редакции. Номер складывался трудно. Меня окружали сотрудники, с которыми я вел спешные переговоры по номеру. Вдруг прорывается ко мне молоденькая девица и говорит: «Вот!» Протягивает листок со стихами и требует напечатать их сразу. Я пригласил ее сесть. Она присела, но беспокойно вертелась. Прочел я ее стихи. Это были беспомощные вирши. Сказал ей, что для печати они не годятся, и пояснил – почему именно. Надежда вскочила, вырвала у меня листок и воскликнула: «Есть и другое мнение!» Быстро побежала к выходу...

Через год она пришла на занятие литобъединения. Я сказал, что у нас, мол, новенькая – Надежда Ткачук – бухгалтер «Смешторга». Девушка смутилась:

- Вы меня помните?..

- Конечно! Стихи принесли?

- Аж пять штук!

- У вас счет на штуки? – ехидно спросил ее наш баснописец Леонид Пивень.

Девушка покраснела. Я вмешался. Сказал что-то ободряющее и предоставил ей слово. Новые ее стихи были куда лучше. Какие-то строчки и четверостишия отметили даже наши штатные критики. Я отобрал два стихотворения для воскресной литстраницы, попросив кое-что исправить. Надежда быстро нашла замену. Стихи напечатали. Надя не пропускала ни одного занятия. Вскоре стало ясно, что у девушки есть творческое будущее. Она окончила заочно Литературный институт имени А.М. Горького. Вышли ее книги. Но лучшие из них уже пришлись на смутные годы. Владимир Демидов рассказывал мне, что Надя продавала свои книги в «Пассаже»... Ушла она из жизни рано.

Хорошие детские стихи писала домохозяйка Светлана Довженко, заметную прозу – пожарник Борис Бессонов. Светлана усердно работала, ее печатали, она стала довольно известной. Борис Бессонов на каком-то этапе стал часто прикладываться к рюмке, и я потерял его из вида. Были и другие утраты...

Кое-кого я не назвал в своих заметках: забыл имена. Очень надеюсь, что в Горловке найдется человек с живой душой и талантом и расскажет об этих безвестных энтузиастах народного литературного движения.

Не все оказались заметными на литературном поле страны. Кое-кто отличился на партийном поприще: Вадим Зубарев стал помощником секретаря ЦК КПСС Григория Романова; Александр Дидоренко был зам. заведующего отделом ЦК Компартии Украины. Павел Скубко, Владимир Черненко, Павел

Омельяненко, Ефим Поленок, Мария Бровко, Евгений Сердинов и другие стали активными, заметными журналистами. Но и те, кто не издал книг, кто не стал известен как писатель, несли в своем сердце литературный интерес и признавались мне через годы, что они с чувством благодарности вспоминают Горловское литобъединение.

ОТСВЕТ ЭПОХИ

Мои восемь литературных лет в Горловке пришлись на разные времена: начинались при Сталине и завершились в разгар хрущевской оттепели. Понятно, что все события горловской литературной жизни носят отсвет этой драматической, обнадеживающей, ералашной поры. Не могу забыть тот несчастный год, когда у нас с московской подачи повсюду громили замечательного поэта Владимира Сосюру за его стихотворение **«Люби Украину»**. Не буду повторять, что тогда о нем писали даже его талантливые собратья, у которых, казалось, помутился разум. С особой изобретательностью его шельмовали на Украине, где неожиданно возник нездоровый интерес местных партийных вождей к работе городских и районных литературных объединений. Искали повсюду своих местных «сосюристов»...

В те дни шутовски прославился первый секретарь Херсонского обкома Компартии Украины, который под шквал подхалимских аплодисментов заявил буквально следующее (цитирую): «Польза от литературных объединений не доказана, а вред весьма возможен». У нас в Донбассе до такой глупости не договорились, но под общий шум кое-кто пытался и тут найти «порочные произведения, в которых образ современной Украины бледен и невыразителен».

Досталось и мне. Меня «воспитывал» в своих выступлениях весьма бойкий лектор горкома партии Гительштейн. Он отыскал себе напарника в самом литературном объединении – как ни странно, моего лучшего друга. Вдвоем они разделявали под

орех и руководителя городского литсообщества, и молодых ребят, едва приобщившихся к образному слову. Их треп процитировала **«Кочегарка»**. Сама себя высекала!..

Собрание комсомольского актива проходило в Зеленом театре городского парка культуры и отдыха. На него пригласили всех комсомольцев и партийцев – членов литобъединения. Меня Эмилиит провел на него по редакционному удостоверению. Все мы с огорчением и немалым удивлением слушали непонятно кем подогретое, злое выступление моего дружка. Пока он издевался над слабыми стихами Володи Назина, зал молчал. Но когда он понес заведомую неправду: «Гончаров организует мало встреч с трудящимися города», с мест раздались возгласы: «Брехня!», «Ты бесстыдно лжешь!..»

Эту отповедь зала газета опустила. Добрейший наш редактор дрогнул... Но тут к горловским авторам неожиданно пришла помощь с московской литературной стороны. На занятие нашего творческого объединения приехал корреспондент **«Литературной газеты»** Алексей Ионов. Послушал стихи горловчан, прочитал наши литературные страницы, поговорил с участниками литобъединения и предложил мне выступить в **«ЛГ»**. Я согласился. Мое суждение о литобъединениях **«Литературная газета»** напечатала на первой странице. Смелая поддержка **«ЛГ»** в разгар вселенского гвалта не прошла бесследно. В Донбассе, который всегда имел свое особое мнение, казалось, только и ждали такого поступка авторитетной столичной газеты. Меня пригласили на бюро обкома с докладом (надо же!). «Будем слушать в положительном плане», - сразу сказал мне секретарь обкома по идеологии Роман Иванович Кигинько. И такие тогда были секретари!

Поехали в Сталино вдвоем с секретарем Горловского горкома партии Зоей Дмитриевной Ильяшенко. Милейший, обходительный человек, всю дорогу она наставляла меня, как себя вести в столь высоком присутственном месте. Договорились, что доклад я буду читать по тексту, одобренному горловским партийным начальством. Но когда я увидел, с каким

любопытством поглядывают на меня члены бюро обкома, привыкшие обсуждать серьезные хозяйственные и партийные проблемы, я отложил листы и стал докладывать своими словами. Это, видимо, понравилось. Мне стали задавать вопросы. «Чем конкретно помогает литобъединению Донецкое отделение СПУ?», «Кто из писателей Донецка, Киева, Москвы, сколько раз и когда был в Горловке на занятиях литобъединения?» и т. п. Я ответил, назвал фамилии. Среди них не оказалось литератора, представлявшего на бюро Донецкую писательскую организацию. «А вы что ж так ни разу в Горловке у творческой молодежи и не были?» - вдруг спросил у него невысокий ладно скроенный человек с веселыми глазами. При этом он сперва поднялся. Все остальные задавали вопросы сидя. Пока донецкий писательский полпред что-то смущенно отвечал поднимавшемуся из-за стола человеку, я тихонько спросил Зою Дмитриевну, кто, мол, это?

«Секретарь обкома партии Александр Павлович Ляшко», - сказала она мне. По его предложению бюро обкома партии одобрило работу Горловского литературного объединения. В ту пору такое мнение партийной власти о низовом самодеятельном творческом коллективе, говоря по-нынешнему, было знаковым. В литературных кругах оно вызвало удивленный интерес. Да это и понятно: никогда ни до этого, ни после за все годы советской власти такого доброго внимания к городской литературной организации нигде проявлено не было. Но главное, что вслед за ним последовали поистине чудеса...

На нас обратили внимание издатели. Одна за другой стали выходить книги горловчан. Вслед за сборником Бориса Котова на прилавках многих городов появилась книга стихов Владимира Демидова, потом стартовал со своим сборником Николай Домовитов. **«Цвет восходящего солнца»** - так назвал свою книжку Егор Гончаров. Повезли свои рукописи в Сталино быстро набиравшие известность Иван Костыря, Мыкола Титов, Виктория Кузнецова, Володя Назин. Нас заметили. Ребята наши ходили, задрав носы! То ли еще будет!..

Не помню кто придумал трогательное правило: каждый издавший свою первую книгу обязательно приносил в садик Павла Беспощадного саженец дерева, за которым потом и ухаживал. Со временем возникла небольшая литературная рощица. Там уже поднимались к солнцу именные деревца Владимира Демидова, Николая Домовитова, Егора Гончарова, Ивана Костыри, Мыколы Титова, Евгения Сердинова, Надежды Ткачук, Владимира Назина, Виктории Кузнецовой, Ефима Поленка... К сожалению, после смерти поэта эта добрая традиция прервалась. Может быть, в Горловке среди нынешних писателей найдутся энтузиасты и, скажем, к 70-летию освобождения Донбасса от фашистов посадят именную рощу в честь горловских литераторов-фронтовиков, придумают ей хорошее название, а затем и возродят старое доброе правило, начало которому было положено в садике Павла Беспощадного. Дерзайте, земляки!..

Когда в Донбассе возродили выпуск горьковской серии книг по истории фабрик и заводов, мы в Горловке силами местных авторов первыми создали документальную летопись знаменитой шахты «Кочегарка» и строительства канала Северский Донец – Донбасс. «Наша «Кочегарка», «Донец идет через кряж» и другие книги этой серии тоже не остались без отклика большой прессы. Из обкома позвонил заведующий отделом пропаганды, моряк-североморец в годы войны – Леонид Скобцов и передал благодарность секретарей обкома. Тогда это было нечто!

Последовали лестные предложения из столичных газет и журналов.

В наше литобъединение началось настоящее паломничество не только литераторов из донецких городов и сел, но порой из самых отдаленных мест страны. Первыми на совместное занятие приехали соседи – енакиевцы с их восходящей звездой Михаилом Пляцковским. За ними прибыли краматорцы во главе с легендарным Николаем Рыбалко, ослепшим после фронтовой травмы офицером, нашедшим самобытное место в другом строю – поэтическом. Встреча с ним

и его питомцами была братской – у нас, как я уже говорил, в литобъединении было немало фронтовиков. Завязалась искренняя дружба и творческие связи на долгие годы...

Нагрянула к нам знаменитая московская **«Вальцовка»** со столичного завода «Серп и молот» во главе с известным поэтом Александром Филатовым. Договорились о совместном сборнике, который позже и вышел у нас в Донбассе. Теплоту встречи с москвичами удалось пронести сквозь годы.

Все чаще к нам на огонек **«Кочегарки»** заглядывали приезжавшие в Горловку земляки из Киева – писатели старшего поколения – Юрий Черный-Диденко и Владимир Торин. Из Ташкента приезжал со своими друзьями-литераторами горловчанин Вячеслав Костыря. Бывали у нас на занятиях москвич Леонид Жариков, ленинградец Александр Володин, киевляне: знаменитый критик Борис Буряк, поэты и прозаики Степан Олейник, Леонид Вышеславский, Леонид Первомайский, Мыкыта Шумыло, Олэкса Ющенко. Степана Олейника, поэтические юморески которого читала вся страна, я сопровождал в его поездках на горловские шахты. Это были веселые поездки! Всюду этот удивительный человек находил незаметные для других смешинки. Они отозвались потом в его книге **«Шахтарям донецьким, хлопцям молодецьким»**. Естественно, я рассказывал об этих поездках в литобъединении. Ребята покатывались со смеху. А когда Олейник встретился с нашими литераторами, - это был настоящий урок юмора. Хохотали мы до упаду, а Степан Иванович даже не улыбнулся...

Городское начальство устроило большой литературный вечер, гвоздем программы в котором был знаменитый гость. Но и наша команда во главе с Павлом Беспощадным выглядела в тот вечер, честное слово, прилично...

Гораздо чаще стали наведываться к нам донецкие писатели, подтолкнутые обкомом, - Павло Байдебуря, Николай Родичев, Виктор Соколов, Евген Летюк, Владимир Труханов, Лариса Черкашина, Евген Волошко... Однажды пожаловала целая писательская делегация из Абхазии. Приезжали тамбовцы,

воронежцы, сибиряки... Побывали в Горловке даже живые классики украинской литературы - Андрей Головкич и Александр Корнейчук...

Об одном классике не могу не сказать особо. В тот день шло бурное собрание в литобъединении. Вдруг кто-то постучал в дверь. У нас это было не принято: к нам в редакцию входили без стука. Я вышел в коридор и сказал: «Смелее!» Дверь приоткрылась. Через порог робко шагнул человек, показавшийся мне знакомым. Я вопросительно взглянул на него. Он сказал мне: «Я Володымыр Сосюра, якого побылы!..»

Я тут же пригласил гостя на наше собрание и, уступив ему свое место за столом, сказал, что к нам приехал Владимир Николаевич Сосюра. Горловская литературная братия вскочила с мест в полном составе и устроила гостю горячий прием. Ее аплодисменты были далеко слышны. Прославленный поэт принял живейшее участие в обсуждении стихов горловчан, по их просьбе проникновенно, со слезами на глазах читал отрывки из своей поэмы **«Червона зима»** и стал с тех пор надолго шефом нашего литературного объединения.

Вместе с гостями нередко приходил на наши творческие посиделки известный шахтерский поэт Павел Беспощадный. Но чаще всего мы после нашей сходки отправлялись к поэту домой всей гурьбой. Для опоздавших на двери оставляли записку: «Закрито: ушли на литфронт...» Спор, вспыхнувший на занятии, продолжался в садике за столом у яблони под пристальным взглядом шахтерского мудреца. Помню, как горячо обсуждали мы там материалы **«Литгазеты»** в защиту литературных объединений и решение бюро обкома.

Все это будоражило и возвышало творческие души. Конечно, вокруг литобъединения, не скрою, в ту пору рядом со светлой ниткой вилась и черная. Но не она определяла общий настрой на мастерство, на честный отклик на события быстротекущей жизни. Тот, кто приходил в литобъединение за советом и дружеской помощью, быстро становился на крыло.

Известность нашего литобъединения возрастала с каждой новой книгой горловчан, с каждым прозвучавшим со страниц **«Кочегарки»** новым именем. У нас появилось талантливое пополнение. Заявил о себе добротными рассказами еще один горловский врач – Владимир Зеленский, который потом в подмосковном Рошале стал довольно известным прозаиком. В одно время с Зеленским пришли одаренные ребята из рабочей среды – Евгений Легостаев, Олег Герасимов, Алексей Аляутдинов, Геннадий Мозолевский... Но они расправили крылья позднее, когда я уже уехал из Горловки. Для примера этим ребятам критики все чаще называли литературный успех наших ветеранов Владимира Демидова и Николая Домовитова. Их все чаще и вполне заслуженно упоминала столичная печать. Они явно выходили на большую литературную дорогу. У них уже было по несколько поэтических сборников. За ними почти вровень шли Егор Гончаров, детская писательница Виктория Кузнецова и обретавший широкую литературную известность Иван Костыря. В Горловке же их имена были на слуху, ими шахтерский город, не в пример нынешнему, гордился. У нас не было ни одного предприятия, ни одного Дворца культуры, клуба, кинотеатра, общежития, где бы мы не побывали. Читали стихи и прозу, а вскоре у нас на литературных вечерах появилась и музыкальная часть. Ко мне пришел горловский композитор-фронтвик Хархадинов и попросил прослушать его песню на стихи Владимира Демидова **«У моей курносой шелковые косы»**. (Кстати, его невестка нынче заведует отделом культуры в городской администрации.) Песня Хархадинова понравилась. Он написал еще несколько мелодий. Их стали исполнять на литературных вечерах. Пример Хархадинова воодушевил других горловских творцов музыки. Их озвучивать вызвались оркестры народных инструментов Яши Хаславского и отца писателя Вячеслава Костыри, а также самостоятельные хоровые коллективы ряда предприятий. Мы стали в городе серьезной культурной силой...

И вот именно тогда, а было это в разгар хрущевской оттепели, когда языки у многих творческих людей стали острее, в Горловке произошло несколько вытекавших друг из друга событий, вызвавших немалый гнев городского начальства. Из Москвы в Горловку с попутным ветром занесло стихотворную сатиру на Никиту Хрущева, в которой говорилось: «Я пью досыта», - сказал Никита. «А я – в меру», - промолвил Неру. Анонимный горловский автор, несомненно знакомый с первоисточником, сотворил нечто похожее о горловском начальстве. Чтобы стало ясно нынешним читателям, о ком шла речь, назову персонажей новоявленной сатиры: это первый секретарь горкома Компартии Украины Судейко, председатель горисполкома Ушев, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома Макляк, первый секретарь Центрально-городского райкома партии Чичканов и, к несчастью, совсем несправедливо приплетенный в этот ряд наш редактор Синько. Вот что говорилось в этой стихотворной побасенке, ходившей по Горловке в рукописном виде, осторожно исполненной печатными буквами: «А ну, налей-ка!» - сказал Судейко. «И не меньше стакана», - попросил Чичканов. «Я пью только коньяк!» - сказал Макляк. «Главное, чтоб было на живот легко», - промолвил Синько. «И чтобы не очутиться под душем», - напомнил Ушев...

Все действующие лица этого творения получили его с очередной почтой и, надо полагать, не обрадовались. На следующий день у меня раздался звонок из приемной Судейко. Просили срочно прийти к Степану Владимировичу. Редакция тогда находилась в одном доме с горкомом. Через несколько минут я был в приемной. Секретарша улыбнулась понимающе и сказала: «Ждет»...

Судейко выглядел мрачным и взъерошенным. На мое приветствие не ответил. Бросил: «Садись!» Подал какой-то листок, исписанный печатными буквами. Пока я читал, он не сводил с меня глаз. Я положил листок и тянул время, не зная, что сказать этому всевластному человеку. Я мог бы высказать догадку, что листок вырос наверняка из слухов, гуляющих в

Горловке. Мог бы добавить, что интеллигентного Ушева и много раз битого, осторожного Синько пристегнули в ту компанию в листочке напрасно: о нашем шефе, например, говорили, что он пьет мало, пьет только дома и под одеялом... Но я уже прошел школу Синько и знал, что всякие такие откровения – себе дороже. И потому на вопрос Степана Владимировича с намеком о том, что скорее всего листочек вышел из городского литературного кружка, – кто мол, автор, я ответил: «Сочинение это вижу впервые и не думаю, что оно родилось в литобъединении». Расстались мы после довольно продолжительного разговора холодно, и этот горкомовский холодок я вскоре почувствовал сполна. Тому невольно содействовали еще два события.

У Владимира Демидова в Киеве вышла очередная книга «**Это вам влюбленные**». Он тут же решил подарить ее Судейко. Я особо не стал его отговаривать, только заметил, что это – не в коня корм. Володя меня не послушал, рано утром подался в горком и два часа ждал появления Степана Владимировича. Когда тот пришел, бросился ему навстречу и вручил свою книгу. Дальше – по рассказу самого Демидова: «Он, понимаешь, взял ее двумя пальцами за обложку, как кутенка. «Это что – тебе любимая?» Книга растрепалась... Я выскочил из приемной»... А дальше привожу стихотворение Демидова, которое он, возмущенный таким небрежением, написал в считанные часы в тот же день:

* * *

*Иван Петрович вышел из народа –
В секретарях уже который год.
А вот сегодня мне руки не подал:
Наверно, много у него забот...*

*А я припомнил дни Октябрьской бури
С войной и голодухой пополам.
И Ленин, добрые глаза прищурив,
Протягивает руки ходакам.*

*Оторванный кружится лист над крышей,
Без дерева свернулся и зачах...
Иван Петрович из народа вышел –
Который год уже в секретарях.*

Конечно, нынешний читатель улыбнется нашей наивности, но мы тогда, в хрущевскую оттепельную пору, посчитали это стихотворение Демидова смелым творческим прорывом и гражданским откровением поэта. Я поставил стихотворение в литературную страницу. Номер читал редактор. Иван Федорович зашел ко мне с этой нашей страницей, и я сразу увидел на стихотворении Демидова жирный красный крест.

- Что же вы, Николай Ефремович, подставляете и себя, и меня, - обиженно сказал мне Синько. Ведь из этого стиха за версту виден Судейко. Давайте быстро замену!

Я пытался убедить шефа, что это обобщенный портрет, приводил разные доводы, но редактор, получивший вместе с другими отцами города анонимную рифмованную оплеуху, был настороже. Стихотворение сняли. А вот тому, что последовало вслед за этим, я долго не верил, не мог даже себе представить, что мой редактор, так по-отечески опекавший нас, способен на такое. Но это было, было: Синько показал Судейко нашу литстраницу, и нарвался сам на разнос. «Ну, вот видишь – видишь, - вспылил городской партийный вождь, - откуда ноги растут. Я ведь тебе говорил... Ну, ничего, разберемся без тебя»...

Синько понял это как угрозу отставки и заболел. Для меня, в ту пору его заместителя, начались судные дни. Горкомовская братия потребовала от меня кучу справок по моему отделу, и, наконец, заявила, что будут слушать редакцию на пленуме горкома. Дело неслыханное! Нас не раз били на заседаниях бюро горкома, но чтобы на пленуме!.. Такого не было никогда за всю историю газеты! Был и еще один вызывавший кривотолки момент: с докладом на пленуме велено было выступить не

редактору, а мне. Мой шеф пытался объяснить это углом зрения, под которым собирались слушать газету: проблематика, мол, твоя. Но я эти горкомовские повадки знал досконально и по ряду признаков чувствовал, что готовится прилюдный мордобой именно мне. И тогда я решил, что помирать буду с музыкой: доклад готовил острый, без оглядки на лица. Решил высказать Судейко все редакционные обиды...

Но в самый разгар подготовки к пленуму в ход событий неожиданно вмешалась сама моя судьба. Меня срочно пригласили на беседу к первому секретарю Сталинского обкома Компартии Украины Ивану Павловичу Казанцу. Оказалось, принято решение о переводе газеты **«Макеевский рабочий»** на формат **«Правды»**, потребовался новый редактор. Прежний редактор Марусов, приехавшему из Москвы цекисту не приглянулся: не понравилось какое-то опрометчивое слово говорливого фронтовика. Тут и вспомнили обо мне. Иван Павлович стал рассказывать о Макеевке, где некогда был первым секретарем, и я понял, куда он клонит. И когда он спросил меня: «Разве не интересно в таком городе, да еще в такой большеформатной газете поработать редактором?» - я буквально взмолился не переводить меня в Макеевку, так как в будущем я вообще не вижу себя на редакторской работе. Стал торопливо рассказывать Ивану Павловичу о своей учебе в заочной аспирантуре, о том, что я сдал уже два экзамена кандидатского минимума, заканчиваю доработку диссертации, и сразу после защиты перехожу в институт на преподавательскую и литературную, творческую работу. И чтобы совсем убедить Казанца, говорю, что только что впервые в жизни получил в Горловке замечательную квартиру, что я люблю свой город и никуда не собираюсь из него...

Казанец, внимательно слушавший меня, молча поднял трубку и сказал в нее, что, мол, будущий редактор сомневается насчет квартиры. «Так, ясно, трехкомнатная? В центре города? Спасибо!» И уже мне: «Вот секретарь горкома Запорожец говорит, что квартира вас уже ждет»...

Я чувствовал, что мои доводы рассыпаются, как песок, и стал торопливо рассказывать Ивану Павловичу, как жила наша семья в землянке на Грабиловке, какие там были дружные, отзывчивые люди, в каком неоплатном творческом долгу я перед ними, да и перед всей Горловкой, которую люблю искренне, всей душой. Я уже немало написал о ней, но главные задумки впереди. И что же теперь отрываться от такого родника, Иван Павлович?..

То, что я говорил Казанцу, было отзвуком моих размышлений, вызванных жизненным примером Павла Беспощадного, которого не раз манили в большие города, в том числе и в обе столицы, но он предпочел остаться среди своих героев. Я ему просто подражал, так как всецело находился под его обаянием...

Наверное, в этом моем взволнованном лепете было что-то такое, что зацепилось в сознании первого секретаря, и он пока отпустил меня домой, но с наказом крепко подумать и о своем решении сообщить в сектор печати в течение трех дней. Я не передумал, и Марусов еще много лет руководил **«Макрабом»**, при случае поднимая тост за мое здоровье.

В горкоме знали о моей поездке в Сталино и хитромудро учитывали ее в своей подготовке к пленуму. А тут произошло еще одно событие, которое смешало все карты у тех, кто готовился дать прицельный залп по нашей редакции. Газета **«Социалистический Донбасс»** выступила с хвалебной статьей, рассказывая о моих газетных инициативах. Этого я не ожидал. **«Соц.Донбасс»** был скуп на такого рода похвалу. А тут вот оно, как говорится, яичко к Христову дню!

В отделе пропаганды и агитации обзор областной газеты вызвал, как нынче говорят, шок. Там завертелись, как караси на огненной сковородке: до пленума оставались считанные дни. Даже справедливый и сочувственно ко мне относившийся Макляк, спросил меня с плохо скрытой досадой: «Ну, что, Коля, выпросил соломки у **«Соц.Донбасса»**? Я ему ответил так: «Для вас же старался: соломка хорошо горит»...

Макляк, человек с чувством юмора, от души рассмеялся...

В самой редакции хвалебный обзор вызвал другие тревожения. По традиции после такой похвалы старшей газеты редактор немедленно выписывал хорошую премию. Но Синько медлил: и я его понимал. Он боялся, как бы горком не упрекнул его в попытке отвести от меня критику. Редакция зорко следила за переживаниями шефа. И Синько снова оказался на человеческой высоте: премия мне была выдана и в тот же день после работы дружно пропита. Причем, Иван Федорович тоже оскоромился: зашел ко мне и осушил рюмку. Подумал и сказал: «Пронеси, Господи, послезавтра». И добавил: «Надеюсь на вашу выдержку»...

Пленум начался при полном сборе. Докладывал я самокритично, не скрывая наших промахов и неудач, но, разумеется, коснулся и внешних помех. И вот тут, едва я сказал, что мы могли бы оперативнее освещать городские события, если бы горком партии помог, наконец, с транспортом. И тут Судейко, сидевший в президиуме рядом с Синько, стал бросать сердитые реплики. Они становились все злее, после того, как я стал поименно называть секретарей горкома и райкомов, забывших дорогу на свою печатную трибуну, когда напомнил публикации в газете, повисшие в воздухе потому, что официальные лица побоялись продолжить разговор и сказать правду. Эти люди сидели в зале. Сейчас бессмысленно называть те печатные выступления, а тем более молчунов, уже ушедших из жизни. Но тогда, поверьте, это было на слуху и волновало не только узкий партийный актив, но и всю Горловку. Поэтому-то даже на этом малом «сквознячке» Степан Владимирович почувствовал себя неуютно и, улучив момент, решил отыграться. Он тотчас ухватил меня за язык, как только я сказал о нашем творческом резерве – городском литературном объединении, не позволяющем угаснуть критическому огню в топках **«Кочегарки»**. Я хотел было привести примеры такой помощи при организации очень критичной переклички партгрупоргов угольных участков, за которую нашу газету хвалил

«Социалистический Донбасс». В ходе этой перекички наглядно обнажились изъяны горкомовского руководства, всплыли разительные примеры... Но Судейко грубо прервал меня и потребовал: «Ты лучше скажи, как **твой** поэт Демидов с твоей помощью хотел пропечатать стихок, оскорблявший заслуженного ветерана. Хорошо, что редактор у нас на своем месте»...

Ну, вот теперь все сразу стало ясным. Как мог более спокойно, я сказал Степану Владимировичу, чтобы он не перебивал меня. Но Судейко уже занесло и он стал вкривь и вкось рассказывать сам о стихотворении Демидова. Видно, крепко оно его задело...

Я молча стоял на трибуне и слушал. Было такое чувство, что меня сюда и выставили, чтобы наглядно на миру показательно выпороть. И тогда меня, признаюсь, тоже занесло. Вот что я сказал в ту минуту Судейко: «Эх, Степан Владимирович, видно верно говорят умные люди: начальство критиковать, это все равно, что с тигром целоваться – и приятного мало, и смотри, как бы не поцарапал»...

Раздался смех, а потом довольно дружные аплодисменты в задних рядах. Судейко вспыхнул и, пристально посмотрев на меня, как ни странно, больше не проронил ни слова...

Вы понимаете, конечно, что после такой стычки что-то должно было произойти с действующими лицами. Я, понятное дело, оказался на холодном ветру. Взятая усердно дорабатывать диссертацию и готовиться к последнему кандидатскому экзамену. Но мне не суждено было пойти по ученой тропе. Когда мой труд был одобрен, я неожиданно попал под действие постановления ЦК Компартии Украины, запрещавшего местному начальству защищать диссертации на территории республики. Надо было думать о другом университете за пределами Украины. Но я был охвачен новым делом, внезапно став издателем. Мой ангел-хранитель не дремал. Наверно, он и подсказал мне выход: я переделал свою

диссертацию в популярную книгу и отложил свои аспирантские документы в долгий ящик...

А было так. Вскоре после того самого пленума, мне неожиданно позвонил Степан Владимирович Судейко. Сам лично, без секретаря. И прочел только что полученное им письмо от нового секретаря обкома партии, будущего министра иностранных дел Украины Дмитрия Захаровича Белоколоса с предписанием «откомандировать тов. Гончарова Н.Е. в распоряжение обкома для дальнейшей работы в межобластном книжном издательстве «Донбасс». Бюро Горловского горкома не возражало. С грустью, со слезами на глазах попрощался я с Горловкой, с литобъединением. Я оставлял в них частицу своего сердца. Горловка была для меня не просто очередным местом жительства, она стала моей второй малой Родиной. Такого братского участия в судьбе несправедливо униженных и оскорбленных, такой верности я не встречал больше нигде на своем долгом жизненном пути. Горловка всегда была со мной и в радостные моменты признания моих творческих удач, и в трагические моменты нашей истории, и в дни личного горя. Там, в этом милом шахтерском городе, всегда находилась живая душа, не забывавшая позвонить, прислать листочек телеграммы, который наполнял мою душу теплом. Во все дни моей жизни вне Горловки как бы само собой вершилось еще одно чудо: мое литературное объединение навсегда оказалось со мной. И в Донецке, и в Москве я всячески помогал моим творческим питомцам. Еще долго готовил горловские литературные подборки в разные издания. Кстати, известную литературную страницу «**Правды**», посвященную (небывалое событие!) Горловскому литобъединению, готовил я лично по просьбе Дмитрия Захаровича Белоколоса, уже будучи в Донецке. Приехавший за этой страницей заместитель редактора «**Правды**» по отделу литературы и искусства Сергей Петрович Кошечкин был избавлен от всяких хлопот по ее подготовке и сполна познал в те дни горловское гостеприимство, изучая корни народного литературного творчества при содействии самых

ярких его представителей, среди которых на первом плане как всегда был Володя Демидов...

Горловская литстраница была принята Кошечкиным лишь с одним замечанием: по его мнению, в ней не хватало моей заметки. Я не возражал и дополнил страницу своими строками. В тот же день мы с Кошечкиным улетели в Москву. В аэропорту нас ждала правдинская машина и спустя несколько часов мы с Сергеем Петровичем принесли горловскую литературную подборку лично главному редактору **«Правды»** Сатюкову. Тот сразу же прочел ее и одобрил. Сказал Кошечкину: «Ставь целевую страницу и пиши к ней передовую».

Что и говорить, номер **«Правды»**, где широко и броско была представлена небольшая творческая ячейка страны, вызвал живейший интерес в литературных кругах. Конечно, сведущие люди понимали, что здесь не обошлось и без высокой политики: шахтерский литературный салют пришелся на хрущевские времена. Горловский номер **«Правды»** долго грел мою душу. Он был своеобразным завершением моей восьмилетней работы руководителем Горловского литобъединения. Не скрою, мне было приятно получить отклики на правдинскую публикацию из разных мест страны. Но особую отраду вызвали письма затерявшихся на просторах страны моих питомцев. Приходили они и годы спустя. Приведу только одно письмецо из северного нефтяного края: «Николай Ефремович! Помните Горловку пятидесятых годов и литературное объединение при газете **«Кочегарка»**, которым вы руководили? Я тогда писала очень слабые стихи, но мне в литобъединении было очень интересно. Я увлеклась творческой работой, окончила университет, стала журналисткой. Вот уже 27 лет работаю в Сибири. С глубоким уважением и благодарностью за то прошлое литературное, что вы дали нам тогда.

Мария БРОВКО, журналистка. 22 марта 1980 года. Нефтеюганск».

Это письмо нашло меня уже в Москве, в **«Социалистической индустрии»**. Сюда ко мне нередко

заносило с попутным ветром литературных земляков. Частенько забегали уже в **«Рабочую трибуну»** и просто **«Трибуну»**, как теперь называется **«СИ»**, Егорушка Гончаров, Володя Демидов, Иван Костыря, Владимир Зеленский, Борис Яроцкий, Георгий Дорофеев и другие. Пишут, а то и приезжают уже и дети моих литературных побратимов. Как-то заглянул известный донецкий поэт Анатолий Кравченко. Словом, литературные связи, идущие с горловских времен, не угасают. Радует незабытой памятью родная **«Кочегарка»**: то откликнется на мою новую книгу, то на вдруг случившийся юбилей. Спасибо, друзья! Я вижу в этом верность шахтерской заповеди: делись светом! Светом души...

И, наконец, еще одно сказание. Как известно, Владимир Демидов вслед за мной переехал в Москву. Здесь его ждал немалый творческий успех. Вышло его **«Избранное»**, которым он вправе был гордиться. Но я считаю, что подлинный взлет его творчества пришелся на смутные времена, когда чуть ли не в каждом номере **«Правды»** печатались стихи из его знаменитого цикла, исполненного гражданского мужества и патриотических мотивов. До такой высоты его давний соперник Николай Домовитов подняться не мог. Так что творческая победа осталась за Володи Демидовым. Вечерами он мне часто звонил, и мы отводили душу в разговоре на злобу дня. Весной он уезжал на Дон, где и спасался в тяжкую годину. Возвращался домой в предзимье с сумкой сушеной рыбы, которой оделял друзей.

Как-то глубокой осенью раздался знакомый характерный стук в дверь моей маленькой кельи – выгородки в редакционной библиотеке. Я сразу понял, кто там прибился и крикнул: «Шагай!» Дверь открылась. Показался Демидов. «А я не один!» - «Тем лучше!» Из-за спины Володи появился Володя Черненко – мой старый искренний друг. Улыбается своей милой улыбкой. Постарел, осунулся. Мы обнялись. Я всегда ценил этого замечательного человека за его верность дружбе, за его трудовое усердие. И не раз принимал его к себе на работу – в областное управление по печати, в областные газеты, которые

редактировал в Донбассе. Когда меня перевели в Москву, Володя стал ответственным секретарем журнала «Донбасс», а после, был слух, переехал в Одессу и работал там в областной газете. Оттуда, после серьезной полостной операции приехал в Москву показаться врачам.

Мне не хватило бы и книги, чтобы пересказать наш разговор, растянувшийся на долгие часы. Трудный, нерадостный это был разговор друзей, оказавшихся по чьей-то злой воле иностранцами. Не хочу его пересказывать. Вы меня поймете и так...

Ребята проводили меня до остановки автобуса. Черненко спросил: «А как бы нам поближе к метро?» - «А вам прямо – под землю». – Володя Черненко даже вскинулся: «Под землю?..» - «Да, в подземный переход и направо под мост», - стал я объяснять, о чем-то уже догадываясь по тону вопроса. Мистика какая-то!.. Вскоре один за другим мои друзья, мои питомцы ушли из жизни. Володя Демидов навечно остался на тихом Дону, а Володя Черненко – на берегу Черного моря. Одесситы, спасибо им, издали хороший посмертный сборник поэта...

С большим опозданием ко мне пришли вести о кончине Анатолия Пивня, Алексея Журмана, Владимира Кондюшина, Клавдии Выпрямкиной, Надежды Ткачук, Павла Омеляненко... В Москве безвременно скончался Вадим Зубарев. Я провожал его в последний путь вместе с донецкими земляками...

Вот так и получилось: начинал я свои воспоминания с печальной ноты, ею и заканчиваю. Добавить мне к этой грустной исповеди нечего. Разве вот что. Ушедшие от нас горловские писатели-фронтовики достойны особой чести. Хотелось бы в Горловке, в литературном объединении, увидеть мемориальную Доску памяти с именами горловских писателей-фронтовиков. Примите это просто как мечту иностранца-горловчанина. На всякий случай напоминаю их имена: Борис Котов, Герой Советского Союза, Юрий Черный-Диденко, Владимир Торин, Сергей Посниченко, Павел Скубко, Евгений Филозоф, Иван

Карабутенко, Владимир Кондюшин, Николай Домовитов, Александр Дидоренко, Николай Москвин, Ефим Поленок, Иван Лындин, Анатолий Пивень, Леонид Пивень...

Как вы понимаете это нужно не им, а тем молодым, что по их следу вступают на трудную литературную тропу. Для примера. Для вдохновения. Для прививки от пустословия и пошлости. Приближается 70-летие освобождения Донбасса от фашистов. Может быть успеете, и я порадуюсь вашей доброй памяти. Ведь литературная Горловка всегда со мной. Поверьте, все мои питомцы – и живые, и мертвые в моей душе на постоянной перекличке. Хотелось бы узнать, что это стало золотым правилом литературной Горловки на все времена!

Москва

НИКОЛАЙ ЕФРЕМОВИЧ ГОНЧАРОВ - фронтовик, ветеран журналистики, член Союза писателей России, литературный критик, очеркист, прозаик, публицист и поэт. Родился 11 декабря 1925 года в слободе Томаровка Белгородской области РСФСР. В семилетнем возрасте не по воле родни оказался в землянке в донецкой Горловке: его отца, рабочего шубно-кожевенной артели незаконно репрессировали. В Горловке окончил семилетку. В семнадцать лет в 1943 г. ушел на фронт. Был рядовым солдатом в стрелковом полку и разведчиком в артполку. В сентябре 1944 г. был тяжело ранен. После чудесного исцеления вернулся в Горловку.

Восемь лет проработал в городской газете «Кочегарка», все эти годы Николай Гончаров руководил Горловским литературным объединением. В 1958-1964 гг. работал в межобластном книжном издательстве «Донбасс» главным редактором и директором. Потом стал первым начальником Донецкого областного управления по печати, редактором областных газет «Радянська Донеччина» и «Социалистический Донбасс». Возглавлял областную организацию Союза журналистов Украины. Сорок один год живет и работает в Москве, куда был переведен решением Секретариата ЦК КПСС. Двадцать лет работал в газете «Социалистическая индустрия» в Москве.

Он автор книг «Оружие поэта», «Поющие пласты», «Русская улица», «Иванова гора», «Ветка черемухи», «Товарищ министр и господин директор», «Прощальный свет», «Горловский бой», «Хранители огня», «Шахтерская мать» и других. Все его книги – о людях нашего шахтёрского края.

Библиотека журнала **ПЯТЬ СТИХИЙ**

Рег.свид. ДЦ № 3130-757Р

Литературно-публицистическое приложение
«ЖИВАЯ ПАМЯТЬ»
Николай Ефремович Гончаров

Формат 60x84 ^{1/32}. Печать лазерная, бумага офисная.

Гарнитура SimeizLight

Тираж – 50 экземпляров.

